

Дело о проклятой Нефее

Анна Кремнева

Анна Кремнева

Дело о проклятой Нефее

«Автор»

2026

Кремнева А.

Дело о проклятой Нефее / А. Кремнева — «Автор», 2026

Расследование начинается с болотной крови, старого Полоза и прекрасной феи с ножом в руке. Нефея проклята: её сердце стало хрустальным, красота — ловушкой, а слова — ядом. Там, где она проходит, лес теряет милосердие. Обида превращается в месть, любовь — в желание владеть, страх — в жестокость. Филин ведёт дело. Лось созывает суд. Лешие путаются в показаниях. А Серый Волк, обвиняемый, свидетель и безнадежно влюблённый зверь, получает шанс искупить вину: отправиться за тридевять земель и найти слово, способное разрушить проклятие. Но настоящее спасение не бывает бесплатным. Для поклонников мрачных сказок, славянского фэнтези, мистических расследований и историй о любви, которая не требует ничего взамен.

© Кремнева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Что случилось на болоте?	5
Расследование	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Дело о проклятой Нефее

Благодарность

Хочу сказать огромное спасибо моим друзьям-коллегам, Евгению Долганичеву и Ирине Пономаренко, за помощь в создании этого рассказа. Ребята, вы лучшие!

Что случилось на болоте?

В ту ночь Нефее слишком долго бродила по лесу. Сначала она шла легко, почти весело: касалась пальцами мокрых листьев, слушала, как в траве перекликаются невидимые сверчки, и думала о чём-то своём, гордом и беспокойном. Потом ночь стала гуще, звёзды поднялись выше, а сон всё не приходил. Нефее забрела так далеко, что не заметила, как тропинка ушла из-под ног, а знакомые берёзы сменились ельником — старым, тёмным и молчаливым.

Под утро лес совсем притих.

Это была не та добрая тишина, в которой спят птицы и дремлет мох. Это была тишина настороженная, будто сам лес затаил дыхание и прятал Нефею от чужого глаза. Над оврагами лежал сизый туман. Ветви не качались. Даже ручей, что обычно болтал всю ночь напролёт, теперь струился беззвучно, точно боялся выдать её.

Где-то далеко, за болотом, протяжно завыл волк.

Нефее остановилась.

Вой был длинный, тоскливый и злой. В нём слышалось не просто звериное одиночество, а будто чей-то приговор, вынесенный заранее. Следом в глухой чаще ухнула сова. Нефее подняла голову и усмехнулась, хотя по спине её пробежал холодок.

— Что ж, — сказала она тихо, — если это знак, то весьма невежливый.

Она пошла дальше.

Нефее была прекрасна той красотой, от которой путники забывали дорогу, звери высовывали морды из нор, а лешие, бывало, спорили до рассвета, настоящая она фея или чья-то выдумка. Волосы её в лунном свете казались тёмным золотом, глаза — двумя глубокими озёрами, а походка была так легка, будто трава сама поднимала её над землёй.

Но в этой красоте уже пряталось что-то острое. Не всякий заметил бы. Не всякий решился бы заметить. Смех Нефеи звенел чуть холоднее, чем прежде. Взгляд задерживался на живом слишком пристально. А сердце её, утомлённое старыми обидами и чужими обещаниями, давно научилось не верить никому.

Вот тогда из-за орешника и выполз полоз. Он был стар, огромен и неподвижен в своей силе. Чешуя его отливала болотной медью, голова поднималась над травой, как тёмный корень, оживший по недоброму колдовству. Он не спешил. Он будто заранее знал, что Нефее остановится.

Она и остановилась. Страх в ней не было. Или, вернее, она слишком хорошо умела прятать страх под улыбкой.

— Куда путь держишь, красавица? — спросил полоз.

Голос у него был сухой, шуршащий, но не без ласки. Так шелестит старая бумага, на которой записаны чужие долги.

— А тебе зачем знать? — ответила Нефее.

— Лес мой. Тропы мои. Кусты мои. Кто по ним ходит под утро, тот либо заблудился, либо ищет беды.

Нефее наклонила голову.

— А если я сама беда?

Полоз тихо засмеялся. Смех его прошёлся по траве, и травинки легли в разные стороны, как от холодного ветра.

— Беда не ходит одна в таком платье. Беда приходит с войском, с громом, с пожаром. А ты пришла одна.

— Значит, мне не нужно войско.

Она сделала шаг ближе.

Полоз следил за ней немигающими глазами. Нефеем знала такие взгляды. Их бросали купцы, обещавшие ей камни; князья, говорившие о вечной верности; колдуны, уверявшие, что знают тайное имя её души. Каждый думал, что видит её насквозь. Каждый ошибался.

Она улыбнулась мягче.

— Ты стар, полоз, — сказала она. — Старые обычно мудры. Или хотя бы осторожны.

— А молодые обычно слишком уверены, что их нельзя поймать.

— Меня многие пытались поймать.

— И где они?

— Кто где, — сказала Нефеем. — Одни женились. Другие спились. Третьи стали поэтами. Самая страшная участь.

Полоз снова засмеялся, но в этот раз смех был короче.

— Бойкая ты, подруга.

— Не жаловались.

— Вот потому и беда.

Он скользнул ближе так быстро, что Нефеем не успела отступить. Трава зашипела под его тяжёлым телом. Одно кольцо легло ей на плечи, второе скользнуло ниже, третье сомкнулось у горла.

Нефеем вздрогнула.

— Не спеши, — прошипел полоз ей почти в ухо. — Лес любит терпеливых.

Кольца сжались. Перед глазами у Нефеи потемнело. Воздух стал густым, как смола. Она попыталась вдохнуть и не смогла. Сначала ей показалось, что это сон, дурной и липкий, из тех, где ноги не слушаются, а голос пропадает. Потом боль в горле стала настоящей, и мир сузился до змеиной чешуи, холодной травы и серого рассвета между ветвями. Полоз тянул её к кустам.

— Тише, — шептал он. — Тише, красавица. Не всё в лесу твоё.

И тут Нефеем перестала быть красавицей.

Она перестала быть путницей, феей, ночной гостьей, чьей-то мечтой или чьей-то добычей. В ней осталась только яркая, жёсткая воля к жизни. Та самая воля, которой не учат в дворцовых залах и не воспевают в песнях. Она рождается в миг, когда кто-то решает, что имеет право сжать тебе горло.

Пальцы Нефеи скользнули к поясу. Там, под складкой платья, был спрятан тонкий нож.

Полоз почувствовал движение слишком поздно. Сталь блеснула в последнем лунном луче. Нефеем ударила некрасиво, неблагородно, не так, как фехтуют на праздниках перед восхищённой толпой. Она ударила коротко, отчаянно и точно — прямо в раскрытую пасть.

Полоз захлебнулся шипением. Кольца разом ослабли. Нефеем упала на колени, судорожно хватая воздух, а змей отпрянул, извиваясь в траве. Из пасти его потекла тёмная кровь. Он мотал головой, бил хвостом по корням, и листья вокруг покрывались алыми каплями.

— Ах ты... — прохрипел он. — Ах ты ведьма...

Нефеем поднялась не сразу. Горло её горело, перед глазами ещё плыли чёрные пятна. Но нож она не выпустила.

— Я предупреждала, — сипло сказала она. — Мне не нужно войско.

Полоз отполз к корням старой ели. Величие его исчезло. Теперь он был не хозяином чащи, а раненым старым существом, которому вдруг стало страшно умирать.

— Не добивай, — прошептал он.

Нефея молчала.

— Слышишь? Не добивай. Я одарю тебя. У меня есть золото под болотом. Есть камни из царских кладов. Есть перстни, что помнят руки мёртвых княгинь. Хочешь — всё будет твоё.

— Мне не нужны твои мёртвые перстни.

— Тогда слово дам. Тайное. Полозье. Им можно открывать запоры, усыплять стражу, находить клады.

Нефея посмотрела на него сверху вниз. В её глазах ещё дрожал испуг, но испуг быстро застывал, превращаясь во что-то холодное.

— Ты хотел меня задушить, — сказала она.

— Я хотел тебя остановить.

— Кольцами на горле?

Полоз зажмурился. Из глаз его выступили слёзы — крупные, мутные, почти человеческие.

— Стар я, — прошептал он. — Глуп стал. Одинок. Увидел красоту и потерял разум. Прости. Отпусти меня. Я уползу. Клянусь корнем, болотом и нижней водой — не трону тебя.

Нефея долго смотрела на нож. На лезвии темнела кровь. Потом она посмотрела на Полоза.

В эту минуту в ней ещё могла победить жалость. Могла.

Она уже наклонилась, будто собираясь сказать что-то мягкое, но в горле снова вспыхнула боль от его колец. И вместе с болью поднялась старая, знакомая злость: на тех, кто брал без спроса; на тех, кто называл насилие лаской; на тех, кто просил прощения, только после того как сам начинал истекать кровью.

Нефея вытерла нож о траву.

— Ползи, — сказала она.

Полоз открыл глаза.

— Отпускаешь?

— Отпускаю. Но запомни меня.

Она подошла ближе, и он невольно вжался в корни.

— Запомни фею с острым ножом. Запомни, что не всякая красота создана для твоих колец. И если ещё раз выползешь ко мне с такими речами, я разговаривать не буду.

Полоз ничего не ответил. Он только пополз прочь, оставляя за собой тёмный след.

Нефея стояла посреди рассветного леса, тяжело дыша. Где-то снова ухнула сова. Вдалеке завыл волк, но теперь вой показался ей не знаком рока, а жалобой. Смешной, беспомощной жалобой всего живого, что боится боли.

Она спрятала нож.

И пошла дальше.

А в кустах, куда отполз старый Полоз, уже шевелилось то, что позднее Филин назовёт началом дела.

Расследование

Свидетель

Тем временем Серый Волк страдал. Страдал он шумно, неумело и с таким размахом, что весь лес уже знал: с Волком приключилась любовь. Сам Волк называл это «тёмным пожаром сердца», Филин в своих записях обозначал как «острое эмоциональное расстройство с воём», а лешие попросту говорили:

— Серого опять накрыло.

Когда-то Волк был грозой тропинок, ночным страхом пастухов и главным подозреваемым во всех делах, где фигурировали кости, перья или подозрительно обглоданные пироги. Но после встречи с Нефеей он изменился. Не то чтобы стал лучше — до этого было ещё далеко, — но он потерял прежнюю уверенность. Он перестал охотиться как следует. Выходил на поляну, видел зайца — и вместо броска начинал вздыхать. У ручья смотрел в воду и спрашивал у отражения, может ли зверь с дурной славой заслужить взгляд прекрасной феи. Отражение, к счастью, не отвечало.

Волк искал мага, знахаря, вещий гриб, говорящий пень — кого угодно, кто объяснил бы ему, что случилось с Нефеей. Потому что он видел её не такой, какой её видели другие.

Другие видели красоту. Волк видел рану.

Он видел Нефею в ту ночь, когда она стояла над Полозом с ножом в руке. Видел, как блеснула сталь. Видел, как змей корчился в траве. Но вместе с этим видел и другое: на лице Нефеи тогда мелькнуло что-то чужое, жёсткое, почти не её. Будто в глубине прекрасного тела проснулась старая тьма и на миг посмотрела наружу.

С тех пор Волк не знал покоя. Пытался молиться — сбивался на вой. Пытался поститься — съедал запас грибов на троих. Пытался обратиться к психологу, но в лесу ближайшим специалистом оказался дятел, который предложил «выстучать проблему изнутри». Волк отказался и сгоряча явился к Филину.

Филин служил следователем.

Кабинет его находился в большом дупле старой сосны. Там пахло сухими травами, чернилами и чужими тайнами. На стенах висели пучки перьев, карты лесных троп, списки подозреваемых и табличка: «Не ухать без повестки».

Волк пришёл под утро, весь мокрый от росы, с красными от бессонницы глазами.

— Я свидетель, — сказал он.

Филин посмотрел на него поверх очков.

— Свидетель чего?

— Ужаса.

— Это не статья.

— Преступления.

— Уже лучше. Излагай.

И Волк изложил.

Он рассказал, как в глухом, старом и тихом лесу бродил от горя и скуки. Как завыл от тоски, потому что сердце его было измучено неразделённым чувством. Как вдруг увидел Нефею, идущую сквозь чащу так легко, будто её несли невидимые лешие. Как навстречу ей выполз аспид, старый Полоз, и стал говорить сладко, обещая золото, камни и всякие подземные чудеса.

— Она ему улыбалась? — спросил Филин.

Волк зажмурился.

— Улыбалась. Но нехорошо. Так улыбаются, когда уже поняли, что перед ними лжец, а всё равно дают ему договорить.

— Дальше.

— Дальше луна блеснула на стали. И она ударила.

Филин скрипнул пером.

— Куда?

— В пасть.

— Точно?

— Я видел.

— Откуда?

Волк замялся.

— Из кустов.

Филин поднял брови.

— Ты, значит, тайно наблюдал за феей из кустов?

— Я не тайно! Я... охранял периметр.

— Периметр чего?

— Её судьбы, — мрачно сказал Волк.

Филин на миг закрыл глаза.

— Продолжай, охранник судьбы.

Волк признался, что с той ночи его мучают кошмары. Что он не ест, не пьёт, не воет для стаи и не ходит на охоту. Что если в лесу бродят такие девы, способные всадить кинжал прямо в пасть древнему змею, то всякому молодому хищнику следует задуматься о завещании.

— Но главное не это, — сказал Волк тише.

— А что?

— Она была будто не совсем живая. Красивая, да. Но холодная. Словно сердце у неё не сердце, а стекло.

Филин перестал писать.

— Стекло?

— Или хрусталь. Или лёд. Я не знаю. Но я видел: с ней что-то сделали.

В кабинете стало тихо.

Снаружи уже занимался рассвет. Где-то на нижних ветках спорили две синицы о праве собственности на семечко. Филин медленно обмакнул перо в чернила.

— Имя того, кто мог это сделать, знаешь?

Волк отвёл глаза.

— Говорят, был один. Эмиль.

Филин нахмурился.

— Вот теперь начинается дело.

Исповедь воплощения зла

Имя Эмиля в лесу произносили неохотно.

Одни говорили, что он был колдуном. Другие — что князем без княжества. Третьи уверяли, будто он вообще не человек, а тень, научившаяся носить красивое лицо. Сам же Эмиль, как следовало из найденных позднее записей, предпочитал выражаться пышнее.

«Я, — писал он, — был воплощением зла».

Филин, прочитав это, сделал на полях пометку: «Самооценка завышена. Но опасен».

Эмиль любил ночи, золото, камни и власть над теми, кто ещё не понял собственной слабости. Он выходил на порог в волчьем обличье, пугал путников блеском глаз, держал при себе лесных слуг, которых одни называли лешими, а другие — просто дурной компанией.

Ему нравилось сеять страх. Нравилось обещать чудеса и смотреть, как чужая надежда становится поводком. Однажды ради забавы он бросил домовёнка Бабке в мешке, и бедняга едва не угодил в старый котёл с кореньями. В другой раз он продал купцу амулет от жадности, но амулет оказался золотым, и купец умер счастливым и совершенно неисправленным.

Красота девушек манила Эмиля. Но любил он не девушек, а власть, которую получал над ними. Он дарил шёлк, камни, слова, похожие на клятвы. Он умел говорить так, что даже разумные начинали верить, будто тьма — это всего лишь особая форма глубины.

Так он встретил Нефею. Она тогда была другой. Не без гордости, конечно. Не без острого языка. Но в ней было живое тепло. Она смеялась не для того, чтобы ранить. Смотрела прямо, не превращая взгляд в оружие. Помогала заблудившимся детям выйти к дороге, лечила птиц с перебитыми крыльями, могла спорить до хрипоты, но потом первой протянуть руку.

Эмиль увидел её — и захотел.

Сначала она не поверила ему. Потом поверила наполовину. Потом, как это часто бывает с теми, кто считает себя умнее чужих чар, подошла слишком близко.

Их союз был недолгим, но ярким. Дни летели, ночи горели. Нефея рядом с ним расцвела, как майская роза у чёрной стены. Эмиль говорил ей о судьбе, о власти, о том, что добро — выдумка слабых, а любовь должна владеть, иначе она ничто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.